

Союз композиторов России объявил о проведении конкурса для профессиональных композиторов. Произведения победителей будут исполнены в престижных московских залах. Проблема в том, что сегодня творчество многих композиторов не имеет выхода на широкую аудиторию. Как популяризировать серьезную музыку, являющуюся продолжением русской классической традиции, «ВМ» обсудила с одним из крупнейших композиторов страны Владимиром Дашкевичем.

Владимир Дашкевич: Дайте дорогу серьезной музыке

справка

Владимир Сергеевич Дашкевич родился 20 января 1934 года в Москве. Один из крупнейших российских композиторов, теоретик музыки. Заслуженный деятель искусств РФ. Лауреат Государственной премии СССР. Член Союза композиторов. Выпускник Московского института тонких химических технологий (имеет диплом инженера-химика), выпускник Музыкально-педагогического института имени Гнесиных (класс Арама Хачатуряна). В 1991–1993 годах возглавлял Союз композиторов Москвы. С 1993 года — председатель исполкома Международной ассоциации композиторских организаций. Автор музыки к фильмам «Собачьё сердце», «Гонимый», «Шерлок Холмс и Доктор Ватсон», «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона: Собака Баскервилей», «Там, на неведомых дорожках...», «Плюмбум, или Опасная игра», «Зимняя вишня». Автор опер «Ревизор», «Двенадцать», «Клоп», оратории «Фауст», мюзиклов «Бумбараш», «Пеппи Длинныйчолок» и других.

Щаюсь в помойку, как происходит сегодня. По этому кино — всего лишь маленькая форточка. А должно быть огромное окно, в котором бы были видны симфонические произведения и Свиридова, и Пахмутовой, и всех остальных. Сегодня много говорится о скрепах. А вот русская музыка как раз эти скрепы и создает. Но для того чтобы она их создавала, ее надо исполнять. И это — государственный вопрос.

И как я теперь понимаю, это еще и социальный вопрос, поскольку ежегодно выпускается в никуда огромное количество композиторов?

Совершенно верно. И тут проблема из творческой переходит в проблему социальных драм. Потому что это — судьбы людей, которые не могут зарабатывать своей профессией.

А как решается этот вопрос в Европе?

В Европе существуют квоты для исполнения новой музыки. Эта квота равна 15–20% бюджета исполнительского коллектива, который государство спонсирует. И вы крепко подумаете над тем, какие сочинения играть, если они новые. Потому что вам важно, чтобы новое сочинение не отпугнуло публику. Наши фамилии — фамилии людей, которые публику привлекают. У нас всегда была своя аудитория, может быть, не столь заметная, как поповая, но гораздо более устойчивая. Иначе бы музыка из «Шерлока Холмса...» не входила бы в хит-парады той же попсы. Эта аудитория существует незримо, и, что замечательно, она не меняется много-много лет, являясь нашим культурным фундаментом.

У вас, я слышала, лежат три оперы — «Царь Давид», «Балаганчик» и «Двенадцать». Они наверняка вызывают интерес режиссеров?

Вызывают. Но режиссеры говорят: «Доставайте деньги». В свое время известный вам Тухманов рассказал мне историю, как он ставил свою оперу «Царяца». Лев Лещенко пытался на нее достать денег у олигархов. Ничего не получилось, пока однажды в ресторане Лещенко не кинул ключ: «Кто даст миллион долларов за галстук народного артиста?!» И к нему пришел какой-то человек, кажется из «Сибнефти», с деньгами. Вот таким замесловато-анекдотичным образом была поставлена эта опера. Она оба мне это рассказывали.

Вы ведь сейчас пишете музыку для «Табакерки», где восстанавливается ваш мюзикл «Бумбараш»?

Да. Кроме того, я закончил работу над музыкой для спектаклей «Свадьба Кречинского», «Дон Кихот», которыми заинтересовался Ливитин. Сейчас пишу музыку к «Вишневому саду» для питерского театра «Комедианты». А зимой записал музыку для «Трех сестер» Гримова.

Не жалеете, что в свое время ушли из инженеров в музыканты?

Роман с музыкой у меня случился внезапно: я учился на третьем курсе Института тонких химических технологий. Соседка по коммуналке попросила поставить в нашу комнату ее пианино, и я, оказавшись рядом с инструментом, почти сразу стал сочинять. Причем долгое время совмещал работу инженера и музыку, занимаясь на Семинаре самостоятельных композиторов. Когда решил поступать в Гнесинский институт, ко мне серьезно не относились (базового музыкального образования у меня ведь за плечами не было). Однако набрал 24 балла из 25. Мне предложили выбрать педагога, я назвал имя Арама Хачатуряна. Он просмотрел мои сочинения и... неожиданно согласился меня учить.

Композиторский труд очень трудоемок. Я часто думаю о том, что партитура — это миллионы нотных знаков. Балет или оперу можно сравнить разве что с проектом большого завода по объему материала. Это страшно трудоемко, так как надо написать музыку для ста разных инструментов, у каждого из которых — своя партия. Нужно быть лидером в каком-то смысле и организовать все так, чтобы каждый исполнитель в оркестре предельно точно сыграл то, что задумал именно ты.

ЕЛЕНА БУЛОВА
Обозревателю «ВМ», лауреат премии правительства Москвы.

Сегодня нет человека, который не был бы знаком с творчеством одного из крупнейших композиторов России Владимира Дашкевича. Его музыка к фильмам «Шерлок Холмс и доктор Ватсон», «Собачьё сердце» у всех на слуху и долгие годы занимала лидирующие места во всевозможных хит-парадах страны. Но при этом немногие знают, что он еще и автор 9 симфоний, 3 опер, 5 инструментальных концертов, 5 мюзиклов, и все это мы не имеем возможности услышать.

Владимир Сергеевич, композиторы вашего поколения стали известны благодаря музыке кино. Сегодня каждый знает имена Таривердиева, Петрова, Тухманова, Зацепина, Артемьева, Гладкова, Рыбникова, Дунаевского, Дашкевича... Но в последнее время мы практически не слышим ваших новых произведений. Что сегодня происходит с ведущими композиторами страны?

Основные жанры искусства после распада СССР приспособились к новой экономической ситуации. А музыка не приспособилась — и в этом проблема. У нас в стране сегодня очень остро стоит вопрос о социальном статусе композитора.

А почему музыка не «приспособилась»?

Картину можно увидеть и купить. В книгу читатель заглянет и, если заинтересуется, купит. А партитуру? Партитуру не прочтет никто, кроме профессионала. Для того чтобы партитуру, написанную композиторами, восприняли слушатели, нужен целый цех исполнителей. И вот здесь возникает экономическая проблема, которая работает против современной музыки, которая принуждает исполнять музыку во всех жанрах — от эстрадного до попсового — малосоставным форматом.

В «попсе» работают три-шесть исполнителей, в так называемой авангардной музыке — пять-шесть исполнителей, но они не могут создать по-настоящему качественного материала. Потому что партитура песен, которые поют все кому не лень, — это всего лишь 30 нотных знаков. А партитура симфонии — 150 000 нотных знаков. Есть разница? И, конечно, Министерству культуры выгодно спонсировать малосоставные ансамбли. У нас существует два фестиваля — «Московская осень» и «Петербургская весна», на которых в течение месяца исполняется по 200–300 сочинений, партитуры которых стоят копейки. И зачастую исполняются они плохо. Партитуры новых опер, симфоний, концертов ведущих композиторов там не исполняются, потому что они требуют боль-

шого количества исполнителей. А между тем только эти произведения продолжают классическую традицию. Но классическая традиция не вписывается в новую экономическую ситуацию, требует расходов.

Конечно, может найтись пара-тройка исполнителей, которые из уважения к моей персоне скажут: «Хорошо, я готов сыграть партитуру вашей оперы или симфонии без оплаты». Но вы же понимаете, для того чтобы они прозвучали, нужно еще 60 таких же энтузиастов-исполнителей, которые тоже должны согласиться работать без оплаты. А это нереально.

И что делать в этой ситуации?

Менять отношение к этому виду искусства на государственном уровне. Государственным чиновникам нужно посмотреть на музыку со точки зрения «музыка и современность». Сравнить ее с кинематографом, например. Ведь когда сценарист пишет сценарий, он рассчитывает на то, что картину будут смотреть много раз. Под съемки десятков больших кинопроектов Министерство культуры выделяет крупные средства через Фонд кино. Вот так должно быть и с музыкой ведущих композиторов страны. Ей нужно обеспечить зеленый коридор: люди, поклонники перечисленных вами композиторов (а у них аудитория очень большая), должны получить возможность новой материал послушать. Как с хорошими фильмами. Вот, например, «Собачьё сердце» Бортко, хотя и вышел давно, продолжает пользоваться популярностью, и поэтому его повторяют снова и снова. Так должно быть и с новой музыкой.

То есть должна быть экономическая система, которая даст возможность ведущим 20–30 композиторах страны писать музыку не в стол?

Да. Сегодня большое количество сочинений даже самых наших известных композиторов — Таривердиева, Шварца или Петрова — продолжат лежать в столе. Ушедшего из жизни Таривердиева есть опера «Кто ты?» по повести «Апельсины из Марокко», а кто ее знает? Я лично ее видел лишь однажды на студенческом показе. У него же есть балет «Девушка и смерть», о котором никто не слышал.

Сейчас получается так, что композиторов отнесают на социальную обочину. У нас композитор даже не может получить патент, потому что в перечне профессий, которые государство признает действительными, таковой профессии вообще нет. Я посмотрел — профессии «композитор» в Налоговом кодексе России нет. По всем профессиям вы можете оформить статус индиви-

22 января 2008 года. Композитор Владимир Дашкевич на церемонии вручения Национальной премии кинокритики и кинопрессы «Белый слон» в Дома кино

дуального предпринимателя, а композитор получить такой документ не может. Звучит как анекдот, но он еще раз говорит о статусе композиторов в нашем обществе. Вот помните, недавно, в июле, бурно обсуждался скандал, связанный со снятым балетом Кирилла Серебренникова «Нурiev» в Большом театре. Но балет «Нурiev» ведь написал композитор. А наша психология так измени-

Партитура симфонии — миллион нотных знаков, что сравнимо с проектом большого завода

лась, что имя этого композитора вообще никто не называет и не интересуется, каково ему? А ведь это прежде всего — его работа. По существующему закону об авторских правах, когда объявляется произведение, обязательно должна быть опубликована фамилия композитора. Этот закон работает во всем мире, только не у нас, с нашим дремучим отношением к классической музыке.

Ну а как общество и государство могут определиться с тем, оперы каких композиторов поддерживать в первую очередь? Какое тут может быть решение?

Не надо изобретать велосипед. Во многих странах финансируют научные проекты по индексу цитирования, который может быть принят за основу и в данном случае. Индекс цитирования ведущих композиторов в сотни раз выше, чем у других. Таких композиторов у нас в стране существует от силы 30–40. А высокий индекс цитирования означает, что аудитория обязательно придет в кассу, увидев эти фамилии на афишах, и купит билеты на новое произведение, тем самым вернув государству средства, кото-

цифра

90

советских и российских фильмов радуют зрителей запоминающейся музыкой Владимира Дашкевича.

